

Хёндо прильнул ко мне, на его лице читалось смятение. Мои родители и фотограф были в замешательстве. Я улыбнулся и сказал:

— Сделайте, пожалуйста, снимок, который будет передавать тепло и близость.

Улыбаясь, я встал позади родителей, обняв Хёндо. Мама посмотрела на нас, и её взгляд был таким нежным, что это наполнило меня радостью. Если бы не напряжённое выражение лица отчима, я бы был совершенно счастлив. Хёндо не двигался и не сопротивлялся, но, казалось, не знал, куда деть руки. Я предложил ему:

— Обними меня за шею.

— А? — удивлённо спросил он. Затем мальчик начал беспорядочно двигать руками, пока я не положил их себе на шею. Это придало нам уверенности и комфорта. Я стоял рядом и слышал, как сильно бьётся сердце Хёндо. Меня это обеспокоило, и я внимательно посмотрел на его лицо, пытаясь понять, нормально ли, что сердце бьётся так часто.

Торжество прошло чудесно, новоиспечённые супруги планировали провести свой медовый месяц в Италии, где они впервые встретились. Они намеревались остаться там примерно на две недели. Однако я до последнего момента пытался убедить родителей перенести отъезд, предлагая сократить путешествие до одного - двух дней.

— Ешьте хорошо и не забывайте чистить зубы, — повторяла мама, пока мы ехали в аэропорт. Я несколько раз заверил её, что всё будет хорошо.

— Буду звонить вам каждый день, обязательно отвечай, хорошо? — напутствовала она меня.

— Да, мама, обещаю, что всегда отвечу на звонки, — твёрдо сказал я. Это было очевидно. Так как знал, что буду поддерживать с ней связь по телефону — утром, днём и вечером. Кроме того, попросил охранника, который сопровождал их в свадебное путешествие, сообщать мне обо всём, что происходит с мамой.

— Не дерись с братом! — добавила она шутливо, словно не замечая, что произошло. Разумеется, я собирался выполнить просьбу мамы. Пока жизнь брата в безопасности, не было причин для ссоры, и я искренне пообещал:

— Обещаю хорошо присматривать за ним.

Когда Хёндо посмотрел на меня, я встретился с ним взглядом и заметил, как его лицо стало ещё более красным. Он быстро отвёл глаза и попытался отстраниться от меня.

«Он ведёт себя необычно!» — промелькнуло у меня в голове. И я испугался, что мама заметит необычное поведение Хёндо. Я мягко обнял мальчика, чтобы переключить внимание матери.

— Будьте осторожны в поездке. А попадутся какие-нибудь закуски, было бы здорово, если бы вы привезли их. Хёндю любит такие вещи, — сказал я непринуждённо. Честно говоря, я не был уверен в предпочтениях Хёндю в отношении закусок. Но мне показалось логичным предположить, что человек его возраста будет рад попробовать что-то новенькое. Мама улыбнулась и сказала, что обязательно принесёт много вкусностей. Хотя меня и раздражало, что моя мама так привязалась к Хёндю и собирается провести с отчимом медовый месяц, я старался не выдавать своих чувств. Мне также не нравилось быть связанным с Хёндю, но я решил не говорить об этом.

Когда мама посмотрела на нас с Хёндю, я почувствовал тревогу. Я боялся, что она заметит состояние Хёндю. Но, к моему удивлению, мама широко раскрыла руки и обняла нас обоих. В этот момент мне показалось, что время остановилось, и я не решался пошевелиться, чтобы не сдвинуть украшение в её волосах. Она сказала простые, но искренние слова:

— Мои дорогие дети.

Её слова рассеяли моё напряжение, и я почувствовал себя гораздо спокойнее. Моя мать была для меня всем миром. В её объятиях я ощущал гармонию и покой, которые уносили прочь все тревоги, связанные с лихорадкой Хёндю. Что действительно имело значение — так это исходящее от неё тепло и окутывающая нас любовь.

Я прошептал в ответ на её доброту:

— Поздравляю со свадьбой, мама.

Её улыбка стала шире, и слёзы счастья заблестели в глазах, отражая сияние столь благородное и великолепное, что я не мог не растрогаться. Пусть я по-прежнему не испытывал тёплых чувств к своему отчиму, но видя, как счастлива мать, я не мог не смягчиться. Если её благополучие было связано с присутствием отца Хёндю, то мои эмоции не имели значения. После короткого, но эмоционального прощания, когда мама уже была в автомобиле, её супруг занял место рядом с ней.

— Если что-нибудь произойдёт, сразу же дайте мне знать, — с искренним беспокойством сказал он. Хотя и говорю, что это не имеет значения, это не значит, что я вдруг начал испытывать к отчиму тёплые чувства. Всё, что связано с ним, по-прежнему вызывает у меня неприязнь. Его учтивые манеры и искренность, даже то, как он дышит и говорит, — всё это вызывает у меня раздражение. Если бы не мама, у меня не было бы причин признавать его существование. Я ответил с отстранённым выражением лица, не желая изображать вежливость. Лишь когда автомобиль отъехал, я отпустил Хёндю. И уже собирался уходить, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил меня за одежду.

— Отпусти, — произнёс я, и Хёндю с мрачным видом выполнил мою просьбу. По дороге домой Хёндю нервно ёрзал на сиденье. Наконец, он решился задать вопрос:

— Откуда ты узнал, что я люблю снеки?

В тот момент я задумался, к чему он клонит в своей нерешительности, но тут же был встречен

неожиданным и милым вопросом.

— Просто предположение, — ответил я небрежно.

— Оу... — Ответ Хёндю был мягким, и он ненадолго замолчал, прежде чем заговорить снова. Зачем ему быть таким назойливым?

— А что ты любишь? — спросил он робко.

— А ты не можешь просто помолчать? — не выдержал я, заставив мальчика отпрянуть, как будто я его отчитывал. Действительно ли необходимо до такой степени удовлетворять все желания главного героя? Несмотря на своё раздражение, я неохотно решил ответить на его вопрос. Так о чём он хотел спросить? Кажется, он хотел узнать о моих любимых блюдах. Какое блюдо я люблю? Когда я попытался вспомнить, то не смог сразу ответить. Вместо этого в голове всплыли мысли, что я не люблю. Я решил быть честным и сказал:

— Можешь спросить, что мне не нравится?

Хёндю сразу же спросил, в его голосе чувствовалось любопытство.

— Я не люблю острое, рыбное и кислое. Также мне не нравятся обработанные, сырые и ферментированные продукты. И, конечно, я испытываю отвращение к овсянке, — перечислил я, честно рассказывая о своих предпочтениях в еде. Пока я говорил, я не мог не удивиться своей избирательности в еде. Это было удивительно даже для меня.

«А что я вообще ел всё это время?» — подумал я, размышляя о серьёзности своих предпочтений. Хёндю внимательно слушал, но на мгновение заколебался, прежде чем сделать неожиданное заявление:

— Тогда я буду есть всё, что тебе не нравится. Мне всё равно нравится всё. С этого момента ты должен есть только то, что тебе нравится.

Его предложение стать «козлом отпущения» за мои нелюбимые блюда застало меня врасплох. Неожиданно слышать подобные слова от того, кто обычно не склонен к лести. Но было и ещё кое-что, что вызывало у меня беспокойство.

Он постоянно называл меня «братом»* и это обращение казалось мне слишком официальным и даже немного гангстерским. Я не хотел, чтобы меня воспринимали в определённом ключе, поэтому решил внести ясность.

П.п.: «□□» — (вежл.) слово, употребляемое мужчиной при обращении к родному или состоящему в родственных отношениях брату, старшему по возрасту.

— Отбрось формальности, — твёрдо приказал я.

— А? — переспросил Хёндо.

— Зови меня «братик», — пояснил я.

П.п.: «□□» — обычно используется матерями по отношению к своим детям, но может применяться и ребёнком по отношению к старшему брату.

Хёндо не сразу ответил. Он был готов учитывать мои кулинарные предпочтения, но перспектива называть меня «братик» явно задела его самолюбие. Я задумался, почему он так чувствителен, и заметил, что его лицо покраснело от смущения. Внезапно во мне вспыхнуло озорное желание, которое отличалось от моего обычного поведения — и всё благодаря выражению лица Хёндо. Я без промедления схватился за руку, которой он пытался прикрыть покрасневшие щёки, и дёрнул так резко, что мальчик больше не мог скрыть своё смущение.

— Скажи «братик», — поддразнил я с ухмылкой, наблюдая, как лицо Хёндо покраснело ещё сильнее. Его реакция была удивительно интригующей. — Давай, попробуй. Можешь сказать «бро», — настаивал я, наслаждаясь его смущением.

— Э-э, пожалуйста, отпусти, — умолял он почти шёпотом.

— Скажи «братик», и я отпущу тебя, — парировал в ответ, продолжая сжимать его запястье. В итоге Хёндо не смог собраться с духом, чтобы произнести это слово, и просто склонил голову в знак поражения. Несмотря на прежнюю браваду перед «горшком желаний», в моём присутствии он казался не более чем застенчивым ребёнком. Поскольку мальчик продолжал бормотать, не поднимая головы, я решил, что пора прекратить дразнить его. Запястье, которое я держал, стало теплее, чем раньше, кожа была сухой, как увядший цветок. Но тепло, исходившее от тела Хёндо, было безошибочным.

«Кажется, ситуация становится всё хуже».

Хотя температура у него была невысокой, любое промедление могло привести к тому, что мама заметила бы это. Кроме того, я заметил, что глаза Хёндо были полуприкрыты. Это свидетельствовало об ухудшении состояния.

«Нужно предотвратить любые видеозвонки», — подумал я.

Необходимо было заручиться поддержкой Хёндо, чтобы он мог притвориться нормальным в течение следующих двенадцати часов и не вызвать подозрений у родителей.

— У тебя кружится голова? — спросил я, беспокоясь о том, что Хёндо всё больше теряет ориентацию в пространстве.

— А? — переспросил он, явно не понимая вопроса.

— Тошнит? — повторил я, надеясь на более чёткий ответ.

— Что? — снова переспросил он, всё ещё не до конца понимая мои вопросы. Было очевидно, что он был не в себе. Без дальнейших раздумий, как только мы приехали домой, я обнял Кан Хёндю. Он испуганно попытался вырваться.

— Б-брат! — возразил он дрожащим голосом.

— Братик, — твёрдо поправил я его.

— Братик... ах. Пожалуйста, отпусти меня, — слабо попросил он.

— Нет, — твёрдо сказал я, не обращая внимания на его возражения.

Мунчжон заметил нас издалека и быстро подошёл. Когда он увидел, что Хёндю прижался ко мне, дворецкий смутился. Прежде чем мужчина успел что-то спросить, я заговорил:

— Нужно срочно вызвать врача, — сказал я, понимая, что Хёндю нуждается в срочной помощи.

<http://bllate.org/book/12990/1143863>